

УДК 910.1: 551.4

Б.Н. Нешатаев

**ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СУМСКОМ
ПРИДНЕПРОВЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И
ПОСТАНТРОПОГЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ ЕГО ЛАНДШАФТОВ**

В статье рассматриваются антропогенные природопользовательские процессы и их влияние на структуру и геоэкологические функции местных ландшафтов.

Постановка проблемы. В статье [11] о ходе и итогах колонизационных и природопользовательских процессов в регионе охватывается исторический временной отрезок около 100 лет (середина 17 века и 60-70-ые годы 18 века) в освоении местных природных ресурсов, приведшего к значительной антропогенной трансформации ландшафтов. С середины 18 века и до середины 19 века прошло ещё 100 лет активного исторического природопользования в крае. Стало значительно меньше лесов, луговых степей, резко сократилась водоносность рек, а пашенных и пастбищных угодий стало все больше. Антропогенная природопользовательская трансформация местных зональных ландшафтов достигает своего пика именно к середине 19 века, когда осуществилась земельная реформа и было ликвидировано крепостное право. Поэтому у автора статьи возникает идея о продолжении диахронического геоисторического анализа особенностей природопользования в регионе и постантропогенных изменений его ландшафтов с середины 19 века до революционных событий 1917 года. За этот временной исторический отрезок произойдет резкая капитализация в природопользовании, пройдет административно-территориальная реформа (губернии – уезды – волости) и укрепятся в обществе товарно-денежные отношения. Данный геоисторический период в природопользовании региона можно назвать периодом тотального аграрно-промышленного воздействия на ландшафты в условиях интенсификации общинно-помещичьего и капиталистического землепользования, лесопользования и водопользования [10].

Цель исследования – изучить постантропогенные последствия данного геоисторического периода в сукцессионных трансформационных процессах местных ландшафтов с середины 19 века и до 1917 года.

Изложение основного материала. В Подесенье после отмены крепостного права происходит активизация демографических процессов, связанная с прибытием сюда крестьян из других губерний. Они активно включаются в местное земледелие и скотоводство, последнее имеет более значительные темпы роста, т.к. без унавоживания опесчаненных подзолистых почв пашенное земледелие здесь практически невозможно. Сенокосные угодья в поймах малых рек давали еще сносные урожаи (20-30 ц/га) при наличии спокойных, высоких и

продолжительных половодьях, несмотря на значительную их залесённость и заболоченность, исключая давно освоенную пойму Десны [3]. Главной причиной слабого пастбищно-сенокосного освоения пойм левых притоков Десны сельской общиной была их заболоченность и высокая залесённость (до 50-60% от площади).

Русло Десны в середине 60-ых годов имело среднюю глубину 3-4 метра, оно изобиловало песчаными мелями, которые сменялись глубокими плёсами с глубинами 6-7 метров и шириной 40-100 метров. Берега реки (по правобережью) были окантованы густой зеленью ивнякового кустарника или сосново-дубовых рощиц. При интенсивном меандрировании русла они сдерживали натиск водного потока и не позволяли разрушаться речным берегам. Во время весенних половодий пойма Десны ежегодно покрывалась водой на 25-30 дней. Ширина разливов простиралась на 4-6 км и более. В пойме Десны на высоких и широких гривах ещё сохранились дубовые рощи (центральная пойма), которые по высокому коренному склону правобережья переходили в густые нагорные дубравы. По надпойменным опесчаненным террасам и низким равнинно-зандровым междуречным плато левых притоков Десны (рр. Свига, Ивотка, Шостка) доминировали островные сосновые леса с примесью дубов 60-70-летнего возраста. В 70-ые годы 19 века этих вторичных лесов в Кролевецком и Новгород-Северском уездах было только 157 тыс. десятин.

В 80-90-ые годы в регионе наблюдалась вторая волна миграционного потока населения из Белоруссии и центральных губерний России. Сюда в Полесье ехали даже немцы-колонисты и крестьяне-раскольники (первая волна этих мигрантов была ещё в 17 веке). На 1896 год в Новгород-Северском уезде проживало 148 тыс., в Кролевецком уезде - 132 тыс. населения. В сословном отношении господствовали крестьяне (более 80%), затем казаки (16-20%) и дворяне-помещики (5-10%). Крестьяне занимались малопродуктивным рыболовством и лесными промыслами. Большая часть местных помещиков, которым принадлежали основные массивы оставшихся лесов и пахотные земли, создавали в своих имениях заводы-монофакуры: рудни, стекольные гуты и фарфоровые заводы, паперни, буды и винокурни.

Подобная «индустриализация» природопользования в регионе сказалась на усилении общей антропогенизации полесских ландшафтов и увеличении их демографической ёмкости. В Новгород-Северском уезде плотность населения составила 44 человека на 1 кв. версту, в Кролевецком уезде – 59 человек на 1 кв. версту. Причём наблюдалась тенденция увеличения плотности населения от поймы р. Десны на восток, т.е. к её древним надпойменным террасам (миоцен-плиоценовым) с лёссовыми островами и к Глуховскому плато с его чернозёмными почвами. К примеру, Очкинская волость (низкий пойменно-террасовый

высотный уровень Деснинской долинно-речной системы) имела плотность населения 22 человека на 1 кв. версту, а уже Жиховская и Чернацкая волости (плакорно-междуречный высотный уровень) имели 40-44 человека на 1 кв. версту [15].

Активизация природопользования (прежде всего дальнейшая распашка опесчаненных земель и хищническое лесоистребление) стимулировали развитие твёрдого стока в русле Десны и в нижних участках её левых притоков, что привело к накоплению в руслах рек и их поймах песчаного и супесчаного аллювия, резко усилилось меандрирование. Пойма Десны (особенно низкая) и других рек-притоков стали изобиловать молодыми старицами, извилистыми протоками, имеющими гидрофункциональную связь с основным речным руслом, где появляются многочисленные песчаные мели – осередки, поймы стали быстро заноситься песком. Половодья становятся менее спокойными и растянутыми, а более короткими и бурными. В 1895 году уровень воды в Десне в половодье поднялся на 5-6 сажень (10-12 м) от меженного многолетнего горизонта, что вызвало крупное наводнение, разрушение прирусловых пойменных массивов и занос поймы крупным кварцевым песком (левобережный сектор) и меловым гравием (на правобережье) [15].

Песчанистые почвы, занимающие огромные площади в Подесенье (валдайская надпойменная терраса р. Десны, зандровые низменные равнины к востоку от р. Десна), в результате массовой вырубki сосновых лесов стали перевеваться. Много песка из первой надпойменной террасы р.Десны попадает в левобережную низкую пойму, ухудшая качество её сенокосно-пастбищных угодий и формирует крупные делювиальные шлейфы, которые перекрывают слоем в 1,5 метра древние пойменные торфяники. Левые притоки р. Десны текут в низких песчаных берегах с явными признаками их интенсивной эоловой переработки. Причиной этого процесса стало не только тотальное бассейновое лесоистребление, но и нерегулируемый выпас домашнего скота на покотинах и выгонах, возникших на месте былых лесов. Сенокосы в пойме Десны к началу XX века давали малопродуктивные урожаи до 50-80 пудов сухого сена с десятины, а на участках улучшенных лугов (отдельные зажиточные сельские общины, угодья помещиков) урожаи сена достигали 150-200 пудов с десятины. Площади пойменных «мокрых сенокосов» продолжали увеличиваться и некоторые стали переходить в категорию низинных травяных болот. На сносные, удовлетворительного качества пойменные сенокосы приходилось только 20,3% от всей их площади в двух уездах (Новгород-Северском и Кролевецком). Поэтому многие крестьянские хозяйства вынужденно стали «мелиорировать» самостоятельно свои сенокосно-пастбищные наделы, чем нанесли огромный вред своим и соседским угодьям. Без знания элементарных вопросов агрономии и гидро-

техники от этих работ пострадали многие пойменные геосистемы, они быстро деградировали и просто выпали из природопользования [13].

Итак, в послереформенный геоисторический период в Подесенье местное природопользование перешло на капиталистическо-производственный тип хозяйствования. Появляются многочисленные артели, перерабатывающие местное минеральное сырьё: производство мела, фарфора, кирпича, хрустала. Земледелие и скотоводство позволили и далее развивать обрабатывающие отрасли: винокурение, кожевенные и пеньковые изделия. Однако, больше всего использовались местные лесные ресурсы (древесный уголь, дрова на топливо, шпаловочник для железных дорог, крепёжный лес для угольных шахт). К началу 20 века пострадали от массовых вырубок жалкие остатки помещичьих лесов по речным долинам Знобовки, Свиги, Эсмани и Шостки (обедневшее дворянство в спешке продавало леса богатым крестьянам, лесопромышленникам, биржевым спекулянтам). К концу геоисторического периода (1917 год) на месте бывших корабельных сосновых лесов и бонитетных суборей господствовали опесчаненные выгоны, заросли лесных кустарников и фаутные приспевающие тонкомеры сосны, берёзы и осины. Лесистость Подесенья в эти годы составляла: в Новгород-Северском уезде – 19%, в Кролевецком уезде – 14% [19]. Леса сохранились в виде отдельных изолированных массивов или небольших рощ по низким опесчаненным междуречным плато, надпойменным террасам и поймам рек, окружённые многочисленными малопродуктивными пашнями, выгонами, покотинами и населёнными пунктами. Исключение составлял северный регион Новгород-Северского уезда, где на большой площади сохранились массивы казённых и монастырских лесов под названием «Старо-Гутская дача». О прогрессирующим обезлесении Подесенья к концу 19 века свидетельствуют материалы лесной таксации, проведённой в начале 80-ых годов Черниговским губернским земством: в Новгород-Северском уезде (площадь уезда 3,4 тыс. км²) леса занимали всего 79, 2 тыс. десятин, в Кролевецком уезде (общая площадь уезда 2,4 тыс. км²) – 46 тыс. десятин. Одним словом, лесопокрытая площадь сократилась с конца 17 века в 2-3 раза и более [1,19]. К началу 20 века широколиственных пород в лесах региона почти не осталось (исключение составляли отдельные разрозненные массивы синантропных судубрав и суборей у богатых помещиков и монастырей). Огромный вред лесам приносило массовое сдиранье лыка (лубна) с деревьев и прирусловых ивовых кустарников, в котором принимали участие не только семейные бригады, но и сёла, хутора.

В зоне лесостепи в 19 – начале 20-го вв. находились Конотопский, Роменский, Лебединский, Путивльский, частично Глуховский, Сумский и Ахтырский уезды Черниговской, Полтавской, Курской и Харьковской губерний. Эта большая часть Сумского Приднепровья ранее входила в Гетманщину и Слободскую

Украину (Слобожанщина). Во второй половине 18 века сотенно-полковые военно-административное деление территории было упразднено и появились гражданские волости и уезды соответствующих губерний.

После отмены крепостного права 1861 года в регионе резко активизируется землепользование, которое увеличивало свою экспансию за счет распашки остатков луговой степи, широколиственных лесов и даже ксероморфных сенокосно-пастбищных общинных угодий склоновых суходолов и отдельных участков высоких дренированных речных пойм [9,10]. Трансформация в пашенные угодья общинных сенокосов и пастбищ косвенно подорвала урожайность зерновых культур, так как домашний скот недоедал, часто болел от бескормицы, а на крестьянских полях при паровой системе земледелия с доминированием трёхпольного севооборота хронически не хватало навоза и тяглогового рабочего скота (волов, лошадей). Земледельцы забыли, что луг – отец поля. На своих надельных и чересполосных полях в 3-4 десятины крестьяне выращивали яровую пшеницу, рожь, ячмень, гречиху, а на удобренных навозом и даже импортными минеральными удобрениями помещичьих землях и у нуворишей-сахарозаводчиков появляются, наряду с традиционными зерновыми культурами, сахарная свекла, конопля, табак.

Наблюдалась очень ярко тесная связь между плотностью населения и степенью распаханности территории. Чем была выше демографическая ёмкость местных ландшафтов, тем выше показатель их распаханности. В зоне лесостепи в отдельных волостях сформировалась локально-долинная подвижность населения, его расселение по качеству агроэкологической потенции земель и образуются демографические узлы, т.е. микрорайоны концентрации товарно-торгового тотального землепользования. Это вызывает сопряжённую интенсификацию распаханности и целенаправленную специализацию отраслей товарного агропроизводства [8]. К примеру, в конце 19 века плотность населения в Глуховском уезде составляла 51 человек на 1 кв. версту, в Конотопском уезде – 71 человек на кв. версту и соответственно распаханность территории составляла: в Глуховском уезде – 70% и в Конотопском уезде 84% [15, 19]. Концентрация пашни наблюдалась на террасовых, плакорных и междуречных местоположениях, которые были абсолютно обезлесены (в советское время здесь будут созданы лесные полевозащитные полосы, в какой-то мере заменившие коренные зональные дубравы). Земли на первых надпойменных террасах почти всех лесостепных речных долин в силу их облесённости (изреженные остепнённые боры и суборы) и опесчаненности использовались в качестве общинных малопродуктивных выгонов, под посевы картофеля или не вовлекались вообще в активное природопользование (бросовые неудобные земли).

Рассмотрим особенности природопользования и трансформацию ландшафтов по отдельным уездам. Во второй половине 19 века в Глуховском уезде Черниговской губернии фиксируется обилие склоновых растущих оврагов, вскрывающих не только довольно мощные слои верхнеплейстоценовых лёссов, но и меловые толщи мезозоя; отмечается также развитие глубоких и широких древних балок-суходолов с донными современными и активными оврагами. Светлохвойные (сосновые) леса занимали только первую надпойменную террасу почти всех речных долин края, а суборы, судубравы и липняковые дубравы располагались небольшими островными массивами на долинных плакорных и расчленённых возвышенных междуречных плато. Луговые степи и остепненные луга с их плодородными почвами были давно распаханы [3,15]. Всего в уезде (в 60-х годах 19 в.) леса занимали около 50 тыс. десятин, а лесистость была около 18% от площади уезда. Уже в 80-ые-90-ые годы площадь лесов резко сокращается до 25-27 тыс. десятин (в некоторых юго-западных волостях она занимает только 10-15 тыс. десятин). Широколиственные деградированные леса сохраняются в виде локально-спорадических островов по извилистым балкам (байрачные дубравы) и крутым коренным склонам в речных долинах (нагорные дубравы), а также в поймах рек в виде деградированных урём [15].

Еще в 70-ые годы 19 века происходит резкое падение продуктивности старопашотных угодий (пашня в уезде была развита с 11-12 вв.) из-за потери гумуса. Для его восполнения необходим был навоз или минеральные удобрения, которые уже применялись в хозяйствах богатых помещиков (Маркович, Миклашевские, Скоропадские). Хроническая нехватка кормов для скота в результате распашки выгонов, покотин, пойменных лугов и степей тормозила развитие скотоводства. Главным поставщиком кормов для скота была пойма р. Клевень, где на 1 голову крупного рогатого скота и лошадей приходилось только 0,5 десятины общинных сенокосов. В образцовых же поместьях а пойме р. Клевень с площади в 2 тыс. десятин улучшенного пойменного луга, принадлежавшему князю Барятинскому, собирали по 40-50 ц/десятины [13].

В Конотопском и Путивльском уездах главным занятием населения было зерновое земледелие и пойменное скотоводство (главным образом благодаря огромной пойме р. Сейм). Весной в пойме Сейма полая вода стоит в среднем 20-25 дня, питая её благодатной влагой и супесчано-суглинистым наилком. После спада воды начинают быстро расти травы и к концу июня надо их косить. В 60-ые годы 19 века река Сейм имела ширину в летнюю межень у села Мельня 25-35 сажень, а максимальная – 45 сажень (около 90 метров). Глубина русел реки на отменях от 1 до 2 метров. Разливается Сейм весной по широкой пойме на 2-5 вёрст. Русло реки сильно меандрирует, речные берега преимущественно низменные, сильно опесчанены, покрыты густым мелким ивняком [3].

В конце 19-начале 20 вв. площадь пашенных угодий в двух уездах достигает своего максимума. К примеру, в Конотопском уезде лесов осталось только 8% от его площади, все они сосредоточены в речных долинах (покрывают коренные склоны, притеррасные поймы, приречные балки) и отнесены к хозяйственному разряду «неудобиц». Пойменные луга по р. Сейм, ещё 30-40 лет назад бывшие весьма продуктивными, сильно деградировали и стали даже распахиваться (крупные участки на высокой зрелой пойме). Средняя урожайность пойменных сенокосов достигает всего 9-10 ц/десятины [15]. Нехватка кормов для домашнего скота (значит дефицит навоза для поля), связанная с прогрессирующей деградацией пойменных лугов, приселитебных выгонов и поскотин, вынуждала крестьян самостоятельно заниматься стихийной мелиорацией лугов. Итоги были плачевны: резко повысилась на отдельных пойменных массивах их гидроморфность, активизировались заносы песком, изменились в худшую сторону гидролитоморфологические пойменно-русловые процессы. В итоге, на 1 голову крупного рогатого скота приходилось всего 0,50-0,55 га сенокосов среднего и плохого качества [13].

В начале 20 века в Путивльском уезде лучшие пашенные угодья с чернозёмными почвами принадлежали помещикам (101 тыс. десятин), а крестьяне имели худшие земли (141 тыс. десятин) с оврагами, приречными оползнями, оплывинами и эродированными склонами. Всего в уезде проживало 170 тыс. человек, средняя плотность населения составляла 60 человек на 1 кв. версту. Средняя площадь дворянских земельных владений была около 200 десятин, а крестьянские наделы составляли 8-10 десятин на хозяйский двор. В природопользование было вовлечено – 243 тыс. десятин: 163 тыс. десятин приходилось на пашню, на вторичные леса приходилось 21 тыс. десятин (менее 10%), на сенокосы, пастбища – 30 тыс. десятин. Все эти природно-хозяйственные угодья уезда кормили 170 тыс. человек и позволяли содержать домашний скот: лошадей – 41 тыс., коров – 33 тыс., овец – 48 тыс., свиней – 24 тыс. [16]. В эти же годы начала 20 века резко увеличиваются посевы сахарной свёклы на помещичьих пашенных угодьях. Сахарная свёкла является трудоёмкой культурой, требовательной к плодородной почве, она с урожаем (с корнеплодами) выносит много гумуса и органико-минерального вещества. Стремясь к большим барышам при выращивании и продаже сахарной свёклы на переработку, помещики и богатые крестьяне-арендаторы активно выкупали пашенные земли у малоимущих землевладельцев. Цена 1 десятины чернозёмной пашни составляла 235 рублей серебром, а на худших почвах (серые лесные) – 180 рублей.

В 20 веке в Путивльском уезде выращивали традиционные зерновые культуры – пшеницу, рожь, гречиху. Из технических культур – сахарную свёклу, коноплю, лён, подсолнечник. Широкое развитие получило огородничество, ко-

гда сельские жители выращивали огурцы, лук, помидоры на продажу. Много было яблоневых и грушевых садов; в урожайные годы фрукты увозили за бесценок целыми возами в города перекупщики. В богатых крестьянских хозяйствах, где выращивали много гречки, занимались пчеловодством. Мёд стоил 4-7 рублей за 1 пуд [16]. Развивалась в уезде перерабатывающая промышленность: работало 244 ветряных мельницы, 9 водяных мельниц в русле Сейма, имелись маслобойные заводы, где производилось подсолнечное и льняное масло (32 завода), местные глина и пески использовались в производстве кирпича (17 заводов) и бытовых гончарных изделий (15 фабрик), было много (около 500) сельских кустарных промыслов. В уезде работало 7 крупных сахарных заводов, развивалось винокурение на переработке картофеля и пшеницы. Были построены пивоваренные заводы, а мукомольные предприятия работали в каждом волостном населенном пункте.

Центрально-лесостепные уезды (Роменский, Лебединский, Сумский) к середине 19 века уже не имели свободных земель под новое освоение. Река Сула была маловодна, русло заилено и сильно меандрировало. В пойме было мало пригодных участков для выпаса скота и сенокосения, а больше тростниковых болот, извилистых стариц и ольховых топей. Леса представлены деградированными остепнёнными сосняками на валдайской надпойменной террасе, изреженными нагорными и байрачными дубравами по правобережью [2, 12]. Из исторических документов эпохи Киевской Руси известно, что в те времена р. Сула весной была судоходна, а за 700-800 лет спустя превратилась в зарастающий водоём (активная эвтрофикация и заиление русла). Главными факторами развития этих процессов является обезлесение и тотальная распашка земель её бассейна. Огромное количество делювиального вещества выносится в пойму и русло реки из многочисленных оврагов и крутых оголённых склонов речной долины. Большой вред пойме и руслу наносят примитивные русловые плотины для ловли рыбы, мельничные гати-гребли, сооруженные из хвороста, песка и глины.

Ещё в конце 19-начале 20 вв. была отмечена активная и прогрессирующая галоморфность поймы р. Сулы [12]. Это было связано с её подтоплением и поднятием уровня грунтовых вод, насыщенных солями. Далее происходило засоление пойменных гидроморфных почв и затем травянистой растительности. Некоторые тростниковые торфяные болота трансформировались в солончаковые болота, а на более сухих участках поймы – в солонцы. В притеррасной пойме появляются осолоделые торфяники. Галоморфность поймы Сулы была также связана в значительной мере с обезлесением и распашкой её бассейна, активным колебанием глубинной эрозии (растущие овраги на правобережье), что повлияло на уровни базиса эрозии и выклинивании (разгрузке) в пойме не-

когда глубоких склоново-грунтовых вод, содержащих много растворённых солей. Процесс антропогенной галоморфизации поймы Сулы продолжается и в наше время, когда вместе с указанным причинам присоединилась площадная (бассейновая) эрозия, транзитирующая в пойму большие объёмы склоновых литодинамических нисходящих потоков с химическим веществом (минеральные удобрения, нефтепродукты, средства защиты и стимуляторы роста растений).

В Лебединском и Сумском уездах к второй половине 19 века агроосвоенность их территории достигает своего апогея: распаханность от всей площади этих уездов составляла на западе 90-93%, а на востоке 70-80% (отроги Среднерусской возвышенности имели несколько большую лесистость), островные леса были все синантропного генезиса (в виде нагорных и байрачных дубрав), луговых степей не было (исключение составляли небольшие степные участки у помещиков, занимавшихся коневодством и селекцией крупного рогатого скота). Одним словом, вся площадь этих уездов находилась в природопользовательском обороте (землепользование, малопродуктивное скотоводство, сельское кустарное производство и мануфактуры, использующие местное природное сырьё).

Своеобразным оазисом среди огромных массивов полей выделалась речная долина р. Псла, особенно валдайская надпойменная терраса с её остепнёнными ленточными борами и, конечно, пойма [4,5,7]. В пойме Псла можно ещё было найти живописные старицы-саги, окаймлённые зелёным бордюром из дуба, вяза, осокоря – это реликты былых левад давно уничтоженных человеком. В старицах было много водяной чумы – элодеи канадской. В притеррасной пойме господствовали мрачные сырые чёрноольшанники с высокими кочками и гидроморфным высокотравьем. У села Великая Чернетчина (Сумской уезд) в начале 20 века ещё было можно встретить в левобережной нагорной дубраве под тёмно-серыми оподзоленными почвами отдельные дубы возрастом 150-250 лет, клёны 100-150 лет и огромные массивы подлеска из орешника-лещины, бересклета, клёна татарского и полевого. В наше время подобных псевдокоренных среднерусских лесных фитоценозов почти нет.

К началу 20 века вся площадь этих уездов была полностью освоена в природопользовательском отношении и испытывала на себе мощный антропогенный пресс: тотальная распаханность, массовое лесоистребление, активный рост склоновых и донных оврагов, дефляционный процесс. Острый дефицит в пахотных угодьях и значительная плотность населения (85-87 человек на 1 кв. версту) подняли цену 1 десятины пахотной чернозёмной земли до 1-1,3 тыс. рублей серебром. Главным поставщиком кормов для домашнего скота выступала пойма Псла. К 1912 году пойменных лугов в Лебединском уезде было 7,7

тыс. десятин, при среднем урожае в 183 пуда; в Сумском уезде было пойменных лугов 3,7 тыс. десятин и урожайность составляла около 210 пудов с десятины [17, 18]. Как видно, агроэкологическое состояние пойменных лугов (на то время почти единственный естественный кормовой базе) было весьма посредственное. В пойме Псла развивались негативные природно-антропогенные процессы: заболачивание, занос песком и глинисто-меловым делювием из приречных оврагов, заиление и эвтрофикация. Богатые крестьянские хозяйства и помещики инициировали проведение выборочных мелиоративных работ в пойме Псла. Основным направлением в улучшении качества общинных и частных пойменных сенокосов и пастбищ было регулирование уровня режима паводков и грунтовых вод с помощью дренажных каналов, фитомелиорации и обвалования. Результаты работ были весьма хорошими, урожайность и качество лугов возросли. Жаль, что мелиоративные мероприятия производились на ограниченной площади и были очень дорогие [14].

Южная часть Сумского Приднепровья (юг Сумского уезда и Ахтырский уезд) уже со второй половины 19 века представляла сильно антропогенизованную территорию. Главным фактором, нарушившим природный баланс, были тотальная распашка земель и лесоистребление. В недавнем прошлом междуречье рр. Псел и Ворсклы отличалось хорошей залесённостью (старовозрастные плакорные, нагорные, байрачные дубравы и остепнённые ленточные боры), то в конце 19 века эти леса подвергались интенсивной вырубке. В условиях возвышенной пересечённой местности это вызвало сильный эрозионный процесс, поверхностный водный сток и дефляцию (на опесчаненных валдайских террасах).

Если в 1860 г. в Ахтырском уезде площадь занятая лесами составляла 22%, то уже в 1898 г. только 11% [17,18]. Пострадали в основном плакорные дубравы и террасовые боры. Пойменных левад почти не осталось совсем. В предреволюционное время (1915-1917 гг.) были частично вырублены замечательные помещичьи парки, где ещё росли уникальные дубы возрастом 500-700 лет (3 аршина в диаметре).

Итак, к концу 19 – началу 20 вв. лесостепные уезды региона постепенно превратились в лесо-полевые, где господствовали огромные площади пашни с пятнами деградированных синантропных перелесков. Были волости абсолютно лишённые естественной растительности, где лес вырубали на расширение площади пашни, на древесный уголь, на шпалы для железных дорог и дрова. Обезлесение значительно снизило меженный летний сток рек, не изменяя общей зональной величины речного годового стока, поскольку одновременно увеличился поверхностный водный сток, т.е. в результате лесоистребления увеличивается пространственно-временная (сезонная) неравномерность, гетерохронность годового речного стока. Обезлесенные территории с трансформиро-

ванним во времени внутригодовыми колебаниями водного стока, при явном господстве поверхностного склонового стока, вызвали сопряжённую активизацию механической и химической денудации вещества в пределах речных бассейнов. В полностью распаханых низменных лесостепных водосборах (Приднепровская низменность), по мнению известного агроэколога 19 века А.А. Измаильского [6], тотальное обезлесение привело к нарушению водного бассейнового баланса и к повторяющимся частым засухам и недородам. Он сделал правильный вывод, что не только повинны в этих негативных природно-антропогенных процессах ритмико-циклические колебания климатических элементов, а прежде всего постантропогенные трансформации в местном водном стоке, а затем в структуре и физико-механических свойствах почв.

Антропогенный фактор в ландшафтогенезе региона усилился и стал доминировать именно с середины 19 века. Не последнюю роль в этом процессе отводится монокультурному земледелию, особенно культивированию сахарной свёклы, что привело к прогрессирующей дегумификации и общему истощению чернозёмных почв. Распашка «неудобных земель», ранее в 18 веке полностью выведенных из местного землепользования, привела к формированию активных склоновых и донных оврагов, к оползням и оплывинам, к формированию «шишаковых» морфокомплексов, к заилению пойм и русел рек. Эти же негативные постантропогенные процессы были простимулированы дикой по своей сути распашкой приусадебных садов у помещиков и крестьян, общинных приселителных выгонов и поскотин. Во многих лесостепных волостях местный ландшафт принял внешний облик «рукотворной агростепи», т.е. распаханной от горизонта до горизонта территории. В целом в регионе к 1917 году будут доминировать пространственно-мозаичные антропогенные модификации деградированных лесостепных ландшафтов, которые с большим трудом воспроизводили свои природно-ресурсные потенции и функции [9,10].

Выводы. Итак, для этого геоисторического периода была характерна общая интенсификация природопользования, связанная с тотальной аграрно-промышленной капитализацией в лесопользовании и землепользовании, т.е. природные ресурсы (земля, лес, воды) становятся активными элементами товарного производства и рынка. Появляются крупные латифундии нуворишей с земельными угодьями в десятки тысяч десятин пашни, где культивируется монокультурное товарное производство (пшеница и сахарная свёкла). Общий рост промышленного производства в регионе (сахар, мука, спирт), строительство магистральных и местных железных дорог (шпаловочник), рост людности поселений (строевой и дровяной лес) и особенно развитие экстенсивного монокультурного земледелия привели к массовому обезлесению. В конце 19 - начале 20 веков распаханность достигает в Подесенье – 75-80%, в лесостепных цен-

трально-южных уездах – 85-90%, а лесистость соответственно 19-18% и 10-13% [19]. Тотальное обезлесение и распашка земель (степных и лесных) способствовали появлению в регионе (включая и Подесенье) типично антропогенных по своему генезису лесо-полевых ландшафтов. Всё это привело и стимулировало дальнейшую активизацию негативных постантропогенных ландшафтоформирующих процессов: усилению ксероморфности пашенных угодий (особенно в лесостепных уездах) и дегумификацию почв, их минерализационную сработку; произошло изменение в худшую сторону теплофизических, биохимических и водных (испарение и инфильтрация почвенной влаги) процессов в зональном педогенезе, открыв путь к частым и продолжительным почвенно-атмосферным засухам. Массовая распашка земель вызвала усиление поверхностно-склонового водного стока, что, в свою очередь, активизировало сопряжённую механическую денудацию рыхлого вещества (нисходящие литодинамические потоки) и эрозионный процесс: овраги, промоины, лощины, склоновый мелко-ручейковый твёрдый сток).

Особенно негативно природопользование повлияло на долинно-речные лесостепные ландшафты, особенно на их заиление, продолжающиеся до наших дней. В весенне-летний сезоны тысячи тонн смытого вещества (делювий, пролювий) оказывается в поймах и руслах рек, много этого грунта аккумулируется по ходу своего транзита на склонах, террасах, балках. Особенно страдают от заиления малые реки. Именно в данный геоисторический период произошла окончательная гибель многих лесостепных водотоков 2-3 порядков (по Ржаницыну и Хортону) и заиление верхних участков средних водотоков (3-4 порядков), к примеру, р. Сулы и на отдельных участках течения рр. Псёл, Ворскла. Заиление русел и пойм рек Сейм, Псла, Ворсклы и особенно Сулы привело на участках с малыми уклонами и слабым течением к накоплению и формированию органоминеральных аллювиальных илов. Это повлекло к эвтрофикации их русел и многочисленных стариц-саг, а далее к образованию высокотравных плавневых болот.

С резкой активизацией твёрдого склонового стока (поверхностный водный сток и сопряжённые литодинамические потоки рыхлого вещества) в данный геоисторический период связано и формирование многочисленных конусов выноса (делювиальные шлейфы), которые сохранились до нашего времени и продолжают функционировать. Подобные делювиально-пролювиальные шлейфы (конуса выноса) могут служить хорошими реперно-стратиграфическими и литодинамическими индикаторами и иллюстраторами исторического природопользовательского освоения территории. Наиболее ярко эти литоморфологические образования (сопряжение рыхлых неонаносов и аккумулятивных морфоструктур) представлены в экотонных зонах притеррасных пойм и коренных

речных склонов по Десне, Сейму, Пслу, Суле и Ворскле. Изучение их литолого-стратиграфических слоёв, их мощности, наличия погребённых смытых почв и включений поможет объяснить ход исторического природопользования за последние 150-100 лет и выделить геоисторические фазы наибольшей активности лесоистребления и распашки земель в пределах речного бассейна или долинно-речной системы. Делювиально-пролювиальные конусы выноса внепойменного вещества, являясь индикаторами локальных и региональных пространственно-временных особенностей природопользовательской деятельности человека, могут выявить ход и аспекты антропогенеза и трансформации местных ландшафтов.

Было бы несправедливо утверждать, что за данный геоисторический период тотального природопользования нет положительных примеров сбалансированных отношений между человеком и ландшафтной средой региона. Они, безусловно, были. В полесских уездах Подесенья хорошие результаты получены Огиевским В. Д. при проведении лесомелиорации на дефляционных зандровых равнинах и валдайской надпойменной террасе в пределах речной долины Десны. Богатый землевладелец Неплюев Н.Н. посадил на опесчаненных землях старых вырубков (лесосеках) сосново-дубовые насаждения (отдельные разрозненные фрагменты этих лесов сохранились до наших дней). Этим же помещиком выполнены осушительные работы в торфяных болотах; были произведены лесопосадки на осушенном торфе и началась его добыча в качестве сырья. Использована при этих мелиоративных работах методика генерала Жилинского А.А. и академика Оппокова Е.В. В лесостепных уездах передовые помещики и сахарозаводчики (Терещенко, Харитоненко, Лещинский) применяли на практике новейшие научные данные в лесовосстановлении и борьбе с засухой и эрозией, взятые из научно-практических концепций и рекомендаций о природно-аграрной адаптивности в освоении лесостепных ландшафтов (Докучаев, Высоцкий, Козьменко).

Литература

1. Генко Н.К. К статистике лесов Европейской России. – СПб., 1888. – 97 с.
2. Глинка К.Д. Роменский уезд. Материалы к оценке земель Полтавской губернии. – СПб., 1891. – 75 с.
3. Домантович М.С. Материалы для географии и статистики России. Черниговская губерния. – СПб., 1865. – 686 с.
4. Залесский К.М. Первые сведения о флоре Сумского уезда Харьковской губернии // Труды Общества испытателей природы Харьковского ун-та, 1914. – Вып. 1. – Т.47. – С. 1-47.
5. Залесский К.М. Очерк природы и населения Сумского уезда Харьковской губернии, 1915. – 190 с.
6. Измаильский А.А. Как высохла наша степь. – Москва, 1937. – 100 с.
7. Краснов А.Н. Рельеф, растительность и почвы Харьковской губернии. – Харьков, 1893. – 140 с.
8. Курицын И.И. Плотность населения как фактор и следствие размещения сельского хозяйства // Изв. ВГО. - №4. – 1984.- С. 304-311.
9. Нешатаев Б.Н. Этапы в историческом природопользовании Сумского Приднепровья и трансформация его ландшафтов // Екологія і раціональне природокористування. – Суми: СумДПУ, 2006. – С. 48-58.
10. Нешатаев Б.Н. Геоисторическая периодизация в региональном природопользовании и трансформации локаль-

ной геосреды // Экология і раціональне природокористування. – Суми: СумДПУ, 2009. – С.4-22. **11.** Нешатаев Б.Н. Колонизация Сумского Приднепровья в XVII-XVIII вв. и трансформация его ландшафтов // Наукові записки СумДПУ. – Географічні науки. – Вип. 5. – 2014. – С.24-40. **12.** Оппоков Е.В. Речные долины Полтавской губернии.- Спб., 1901. – 399 с. **13.** Оппоков Е.В. Материалы по исследованию болот Черниговской губернии. – Чернигов, 1905. – 259 с. **14.** Оппоков Е.В. Реки и болота Суджанского и Сумского уездов. – Спб., 1910. – 170 с. **15.** Русов А.А. Описание Черниговской губернии. – Чернигов, 1899. – 864 с. **16.** Статистический сборник губернского земства за 1909 и 1910 годы. – Курск, 1911. – 330 с. **17.** Талиев В.И. Введение в ботаническое исследование Харьковской губернии. – Харьков, 1913. – 134 с. **18.** Талиев В.И. Природа и население Слободской Украины. - Харьков, 1918. – 335 с. **19.** Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. – М.: Изд.-во АН СССР, 1957. – 213 с.

Summary

B. N. Neshatayev. Features of environmental management in the Sumy Pridneprovye in the second half of XIX century and post-anthropogenous conditions of its landscapes.

The article examines anthropogenous nature using processes and their influence on structure and geocological functions of local landscapes.

УДК 91:504(075.8)

О.П. Гавриленко

ЕКОГЕОГРАФІЯ ЧИ ГЕОЕКОЛОГІЯ – ЕКОЛОГІЗАЦІЯ ГЕОГРАФІЇ ЧИ ГЕОГРАФІЗАЦІЯ ЕКОЛОГІЇ

Проаналізовано процес зближення географії та екології, розпочатий ще за часів О. Гумбольдта, результатом якого стала загальна тенденція екологізації розвитку науки. Обґрунтовано першорядне значення зв'язків екології у її міждисциплінарних контактах з географічною наукою. Наведені аргументи різних сторін дискусії про співвідношення екології та географії і відповідно – коректності застосування термінів «геоекологія» і «екогеографія». Розглянуті різні підходи до визначення змістовної сутності геоекології та екогеографії, а також сучасне сприйняття ідеї «об'єднаної» географії різними дослідниками. Проаналізовано об'єктно-предметну сутність, а також теоретичні і методологічні основи геоекології та екогеографії. Розкрито головну мету і базові блоки еколого-географічних досліджень.

Постановка проблеми. Формування нових наукових дисциплін на стику географії та екології супроводжується гострими дискусіями щодо їхніх цілей, завдань і змісту. Зважаючи на сучасну тенденцію екологізації розвитку науки, спостерігається свого роду конкуренція між різними науковими дисциплінами за лідерство у створенні фундаменту для розв'язання екологічних проблем. У різних працях можна зустріти прямо протилежні погляди на змістовну сутність і сприйняття цих дисциплін.

Проблема полягає у визначенні реального місця географічної науки у міждисциплінарних контактах екології, націленої на розроблення екологічного підходу до вивчення природного середовища та вимог до його використання. У дискусії про співвідношення екології та географії слід передусім виходити з того, що географічний погляд на природу як на середовище мешкання живих ор-